

БАБИНЦЕВ Валентин Павлович — доктор философских наук, профессор; профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85; babintsev@bsu.edu.ru)

ШАПОВАЛ Жанна Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85; shapoval@bsu.edu.ru)

ПУБЛИЧНЫЕ КОММУНИКАЦИИ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РЕГИОНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ КОНСТРУКТИВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация. В статье анализируется состояние публичных коммуникаций власти и институтов гражданского общества в российских регионах. Авторы обосновывают, что в настоящее время обе стороны не только не готовы и не способны к открытому конструктивному диалогу, но зачастую не идентифицируются в качестве его участников. Власть, представленная органами государственного и муниципального управления, выступает как корпоративная бюрократическая система и склонна имитировать общественный диалог, широко используя манипулятивные практики. В свою очередь, институты гражданского общества чаще всего маловлиятельны, зависят от государственной и муниципальной власти, не пользуются поддержкой широких слоев населения. Главные препятствия для конструктивных публичных коммуникаций в субъектах РФ имеют не технологический, а социальный и социокультурный характер. Они связаны с тем, что в процессе социальной демаркации власть обычно занимает сторону субъектов, обладающих собственностью и богатством, и становится в глазах контрагентов одним из источников несправедливости, лишается кредита доверия. В то же время институты гражданского общества не обладают достаточным потенциалом, чтобы предвидеть негативные последствия сложившихся коммуникативных практик, предложить технологии их модификации.

Ключевые слова: регион, власть, публичные коммуникации, институты гражданского общества, имитация, фальсеоинтеракция, бюрократия, доверие, экспертное сообщество

Одной из негативных черт современного российского социума как на федеральном, так и на региональном уровне является извращение сути публичных коммуникативных практик, особенно наглядно проявляющееся в тех случаях, когда речь идет о диалоге власти и общества. Проблемы возникают уже на этапе идентификации участников диалога, которые, при всей кажущейся определенности, характеризуются несовпадением реальных субъектов с их имиджами, формируемыми в массовом сознании средствами массовой информации и коммуникации. Во многих случаях эти имиджи имеют чисто фантомный характер, т.е., если следовать Ж.Т. Тощенко, преобразуются в феномены, «которые олицетворяют специфические, порой аномальные, экстравагантные формы общественной (публичной) активности, оказывающие серьезное влияние на политические, экономические и социальные процессы» [Тощенко 2015: 54]. При этом аномалии субъектов все чаще воспринимаются общественностью как их вполне нормальные состояния, оправданные спецификой социальной ситуации.

В первую очередь это относится к власти, представленной в субъектах РФ органами государственного и муниципального управления. Из массового сознания фактически элиминировано представление о том, что главная задача власти — служить обществу, а ее носители — не более чем представители регионального сообщества. Взамен этого власть, как некий корпоративный субъект, все чаще противопоставляется «народу», а мотивы ее носителей не связываются с гражданскими интересами. Это подтверждает анализ результатов опроса, проведенного Левада-Центром в сентябре 2016 г., который выявил, что органы власти

субъектов РФ и органы местного самоуправления «вполне заслуживают доверия» только по оценке 23% и 22% опрошенных соответственно. При этом по сравнению с 2015 г. уровень доверия этим институтам существенно снизился¹.

Можно с высокой долей уверенности утверждать, что в российских регионах власть давно трансформировалась в бюрократическую корпорацию, обладающую набором стандартов поведения, которые не предусматривают, а иногда и прямо исключают возможность и необходимость публичного диалога с обществом. К числу этих стандартов относятся:

- ориентация на формальную рациональность, предусматривающая регулярное изобретение безотносительных к содержательной стороне дела формальных правил и административное принуждение контрагентов соблюдать данные правила;

- имитация деятельности, связанная с подменой ее содержания декларациями, демонстрациями и декорациями;

- массовое производство и распространение фальсеоинтеракций, представляющих собой особую форму социального взаимодействия, «в основе которого лежит осознанность фальши (лжи, обмана) и добровольное принятие этой лжи за истину обеими сторонами коммуникации» [Каширина 2013: 14];

- внедрение во внутриорганизационную среду группомыслия, выражающегося в поощрении внутригруппового конформизма в сочетании с подавлением рефлексии и критики.

Не меньше проблем возникает и при идентификации второй стороны диалога, которую обычно определяют как институты гражданского общества. Безусловно, в таком определении содержится значительная доля условности, связанная с тем, что гражданское общество в России, особенно на региональном уровне, оформлено нечетко. Развитие его во многих случаях является не естественным следствием самоорганизации населения, но инициируется государством, укладываясь «в рамки государственной политики» [Гегедюш 2014: 29]. Но, тем не менее, эти институты, представленные общественными объединениями, функционируют. С формальной стороны их достаточно много, и нередко они пытаются позиционировать себя в публичном пространстве. Так, в Белгородской обл., по данным Минюста России, по состоянию на август 2017 г. зарегистрированы 2 027 НКО, в т.ч. 488 общественных организаций, 11 общественных движений, 51 общественный фонд, 510 профсоюзов, 54 политические партии, 399 религиозных организаций, 147 автономных некоммерческих организаций, 123 некоммерческих фонда.

В субъектах РФ гражданские формирования, как правило, представлены в общественных палатах и нередко узнаваемы. Однако довольно типичное для регионов «стремление некоторых должностных лиц, органов управления формализовать процесс взаимодействия с общественными объединениями, ограничиться декларативными мероприятиями и патронажем над лояльными к административной бюрократии квазигражданскими структурами» [Малик, Меркулов 2016: 87] ведет к тому, что «гражданское общество в России фактически все более оказывается встроенным в единую вертикаль государственной власти. Соответственно, горизонтальные, то есть партнерские, диалоговые связи разрушаются или симулируются» [Зайцев 2013: 121].

Однако причины фантомности гражданских институтов зависят не только от позиции власти, но во многом обусловлены их природой. Среди общественных объединений присутствуют различные типы, которые либо не руковод-

¹ Институциональное доверие. Опрос Левада-Центра от 23–26 сентября 2016 г. Доступ: <http://www.levada.ru/2016/10/13/institutsionalnoe-doverie-2> (проверено 19.02.2018).

ствуются гражданскими интересами, либо, даже ориентируясь на них, не могут или не хотят быть партнерами полноценного диалога с властью. Во-первых, это пассивно-потребительские организации, которые существуют преимущественно за счет внешней поддержки, оказываемой, как правило, властью, обычно в виде грантов; в силу данного обстоятельства такие объединения максимально зависимы от государства и муниципальной власти. Во-вторых, это объединения – мобилизационные проекты, созданные властью для решения конкретных задач, продвижения определенных идей в той или иной социальной группе. Чаще всего эти проекты реализуются в отношении молодежи. Так, Т.И. Морозова полагает, что мобилизационный проект – это «созданная конкретным социальным (чаще всего политическим) институтом, группой лиц или (в довольно редких случаях) криптократической организацией структура, объединяющая молодежь для достижения целей инициатора, предполагающая использование манипулятивных практик в отношении ее членов и использование набора идей, обеспечивающих эффективность манипуляции» [Морозова 2012: 129]. В-третьих, это объединения – приюты для «бывших», созданные для того, чтобы поддержать статус уважаемых в прошлом людей, дать им возможность для самореализации в зрелом возрасте.

Все эти объединения могут лишь симулировать реальный публичный диалог, поскольку либо не имеют собственной позиции, либо не пользуются поддержкой значительной части населения. Даже участвуя в коммуникациях, они не представляют не только граждан, но и себя, выступая в качестве своеобразного зеркала власти бюрократической корпорации.

Особое место в коммуникациях занимают объединения, которые можно определить как «благородных аутистов». Они занимаются реальным делом, решая конкретные задачи, связанные с благотворительной деятельностью, поддержкой отдельных социально незащищенных групп населения, защитой их прав. Проблемой таких организаций является то, что, замыкаясь на решении частных (действительно важных) проблем, они обычно не имеют времени и желания вступать в диалог с властью по более общим вопросам, волнующим региональное сообщество. К тому же всегда существует опасность, что выход за обычные рамки своей деятельности может вызвать негативную реакцию властей, способных затруднить условия деятельности таких формирований. И лишь немногие объединения отваживаются на подобный шаг.

В силу указанных обстоятельств значительная часть формально существующих институтов гражданского общества на региональном уровне способны скорее имитировать публичные коммуникации с властью, чем реально осуществлять их. Несколько иначе выглядит ситуация в отношении сетевых сообществ. В виртуальном пространстве идет процесс формирования групп, объединенных общими интересами и межличностными связями, способных заявить о себе и потребовать ответа властных структур на действительно актуальные вопросы. Но в большинстве случаев сетевые структуры на региональном уровне хотя и становятся объектом внимания властей, чаще всего озабоченных решением задачи контроля за их деятельностью, пока еще не являются заметным субъектом публичных коммуникаций. По меньшей мере, это типично для субъектов РФ, сформировавшихся вокруг центров, не являющихся столицами или мегаполисами. А таких регионов в России абсолютное большинство.

Особенности самоорганизации власти и институтов гражданского общества в субъектах РФ, которые вполне можно определить как провинциальные, подчеркивая этим определением не отсталость, но наличие специфической политико-культурной и административной традиции (патернализм, ограниченная политическая конкуренция, трайбализм и nepотизм при формировании власт-

ных институтов), не являются основанием для утверждения, что участники публичных коммуникаций не пытаются наладить более или менее эффективный диалог.

В субъектах федерации сформированы несколько типов площадок для государственно-общественного диалога – как в традиционной, так и в электронной форме.

К первому типу относятся гражданские форумы, публичные слушания, совместные круглые столы, публичные отчеты губернаторов и глав муниципальных образований, обращения граждан, личный прием руководителей органов власти, выездные встречи представителей власти с населением, деятельность общественных палат, общественных советов при органах исполнительной власти.

Второй тип диалоговых площадок между государством и гражданами в настоящее время – это разнообразные формы электронной демократии, в т.ч. интернет-обращения (онлайн-приемные, «черные списки» и др.), электронные голосования, обсуждения проектов региональных законов и подзаконных актов (Владимирская, Вологодская, Астраханская, Иркутская обл., Красноярский край, Республика Башкортостан и др.).

Довольно широкое распространение получили специальные порталы планирования и реализации общественных инициатив, а также краудсорсинговые площадки, организованные органами власти.

В частности, одним из инструментов электронной демократии, дающим возможность не только выдвижения собственных инициатив, но и оценки уже имеющихся, является государственный интернет-портал «Российская общественная инициатива» (*roi.ru*), действующий в России с 2013 г.¹, а также портал *Change.org*. По оценке создателей проекта, результативность петиций в России – одна из самых высоких в мире (к примеру, за последний квартал 2016 г. желаемого результата достигли 100 петиций)².

В 2017 г. на федеральном уровне запущена информационная площадка для проведения общественных консультаций по выработке основных направлений Стратегии развития России до 2035 года. В форме информационного взаимодействия на портале государственной автоматизированной информационной системы «Управление» граждане могут принять участие в опросах и предложить свои идеи по вопросам долгосрочного развития страны³.

Опыт создания электронных площадок взаимодействия с гражданским обществом имеется и на региональном уровне. В их числе:

– реализация инициативы правительства Москвы, которое через онлайн-сервис «Активный гражданин» (<http://ag.mos.ru>) и соответствующие мобильные приложения смогло за период с мая 2014 г. привлечь к участию в решении проблем городского развития более 1 млн жителей столицы⁴;

– городской портал Якутска *oneclickyakutsk.ru*, за время работы которого (с 2014 г.) муниципальные власти решили более 4 тыс. проблем⁵;

– интернет-портал «Лица Саратовской губернии». Идея электронной демократии на нем реализована в форме виртуальной приемной, дающей жителям области возможность ведения прямого диалога с чиновниками, политиками,

¹ Российская общественная инициатива. Доступ: <https://www.roi.ru> (проверено 19.02.2018).

² Глобальная платформа для ваших кампаний. Доступ: <https://www.change.org> (проверено 19.02.2018).

³ Разработка Стратегии развития России до 2035 года. – Государственная автоматизированная информационная система «Управление». Доступ: <http://gasu.gov.ru/strategy-2035/> (проверено 19.02.2018).

⁴ Активный гражданин. Доступ: <http://ag.mos.ru> (проверено 19.02.2018).

⁵ Городской портал Якутска *One click Yakutsk*. Доступ: <http://www.oneclickyakutsk.ru> (проверено 19.02.2018).

бизнесменами по актуальным для региона проблемам. Кроме того, граждане могут принять участие в составлении рейтингов чиновников и органов власти (например, рейтинг «будущий губернатор», «самый отзывчивый/неотзывчивый чиновник») и таким образом оценить качество их работы¹.

Начиная с 2012 г. в Белгородской обл. реализуется масштабный крауд-проект «Народная экспертиза», базирующийся на интернет-платформе, цель которой – отбор лучших народных предложений, способствующих решению актуальных проблем в регионе. К настоящему времени на онлайн-площадке проекта зарегистрированы около 22 тыс. интернет-пользователей. Жители области разместили на электронном ресурсе около 2,5 тыс. идей и предложений, активно принимают участие в работе таких разделов сайта, как «Черный список» (более 7 тыс. обращений), «Дорожный раздел», «Опрос», «Экология»². С 2017 г. запущена обновленная версия сайта и соответствующее мобильное приложение³.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, характер публичных коммуникаций меняется слабо, что прослеживается по состоянию трех наиболее существенных, по нашему мнению, показателей оценки их состояния.

Первый среди них – это доля граждан, включенных в процесс управления. Эмпирические исследования фиксируют сравнительно невысокий уровень гражданской и политической активности населения. В 2016 г., по данным опросов Левада-Центра, доля граждан, определенно не готовых лично участвовать в политике, достигла рекордного уровня в 52%, и еще 28% скорее не готовы в ней участвовать⁴.

Низкий уровень политической активности граждан подтверждают показатели явки на выборы, и особенно на выборы региональных и местных органов власти. В частности, в Белгородской обл. средняя явка на выборы депутатов областной Думы шестого созыва в 2015 г. составила 53,95%, при этом критически низким оказались значения явки в крупных городах: в г. Белгороде – всего 33,22%, в Старооскольском городском округе – 35,44%, в Губкинском городском округе – 48,36%. В 2017 г. уровень политической активности жителей области практически не изменился: на выборах губернатора области 10 сентября средняя явка составила 54,69% общего числа избирателей, в областном центре – 33,74%⁵. Высокая (как и в целом по стране) явка на выборы президента РФ в данном контексте представляет собой исключение, только подтверждающее правило.

Анализ результатов исследования Института социологии РАН показывает, что невелика и социальная база неполитического гражданского активизма. Она составляет примерно 34% населения (в т.ч. 17% респондентов участвуют в деятельности только одной общественной организации, объединения, 9% – в деятельности двух, 8% – в деятельности трех и более организаций). Подавляющее же большинство опрошенных (66%) участия в деятельности общественных институтов не принимают⁶.

¹ Социально-информационный портал «Лица». Доступ: <http://lizagubernii.ru> (проверено 19.02.2018).

² Народная экспертиза. Доступ: <https://old.narod-expert.ru> (проверено 19.02.2018).

³ Там же.

⁴ Неполитическая нация. Опрос Левада-Центра от 31 марта – 3 апреля 2017 г. Доступ: <https://www.levada.ru/2017/04/13/neverpoliticheskaya-natsiya> (проверено 19.02.2018).

⁵ Официальный сайт Избирательной комиссии Белгородской области. Доступ: <http://www.belgorod избирком.ru/docs/8243> (проверено 19.02.2018).

⁶ Социологическое исследование «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия» проведено Институтом социологии РАН в марте 2014 г. Методическая основа – массовый опрос населения РФ. Объем выборочной совокупности исследования – 1 600 респондентов и репрезентирует взрослое (от 18 лет и старше) население РФ по параметрам пола, возраста, образования и типа населенного пункта проживания. Доступ: <https://www.politanalitika.ru/upload/iblock/01b/01b21729d6e2cf25a0fc50887b5d3e5a.pdf> (проверено 19.02.2018).

Второй значимый критерий – уровень взаимного (межличностного и институционального) доверия. Как уже отмечалось выше, показатель доверия органам власти среди населения остается довольно низким. В свою очередь, государственные и муниципальные чиновники не доверяют своим гражданским контрагентам. Согласно данным, полученным в ходе экспертного опроса, проведенного группой исследователей в Ярославской обл. в 2016 г., почти каждый четвертый представитель региональных и местных органов власти испытывает чувство недоверия к некоммерческим организациям [Соколов, Фролов 2016: 38].

Третий критерий – уровень удовлетворенности информационной открытостью власти. Аудит открытости сайтов высших региональных органов исполнительной власти, проведенный осенью 2017 г. в соответствии с требованиями законодательства и экспертов по 225 параметрам, показал, что в среднем по 85 субъектам РФ уровень информационной открытости региональных правительств составил всего 54,7%¹.

Вполне очевидно, что характер проблем в сфере публичных коммуникаций свидетельствует о наличии вызвавших их глубинных причин, которые далеко не всегда принимаются в расчет региональными руководителями и чиновниками, ориентированными в своей деятельности на принцип презумпции простых решений. В соответствии с ним изменение ситуации предполагает почти исключительно технологические решения (проектный подход, бережливое управление, управление качеством). Безусловно, эти технологии будут способствовать решению некоторых коммуникативных проблем, минимизации барьеров. Но технологический фетишизм, нередко доходящий до технологического кретинизма, мешает, как правило, увидеть главную проблему региональных публичных коммуникаций.

Она связана с тем, что на федеральном и региональном уровне в России давно в качестве главного основания демаркации власти и общества утвердился критерий собственности и богатства. При этом региональная власть в большинстве случаев занимает позицию «по ту сторону» социальной границы и поэтому воспринимается в качестве одного из источников несправедливости. Несправедливость в сознании большинства населения связывается при этом с ощущением невозможности реализовать свои социальные претензии на присвоение части социальных ресурсов, достижение желаемого статуса и общественного признания в тех случаях, когда они, по мнению субъекта, адекватны его общественному вкладу и социальным нормам и не реализуются в силу действий или бездействия как властей, так и сограждан.

Особая острота ощущения несправедливости в массе населения возникает тогда, когда, с одной стороны, власть не хочет признавать ее наличия, а, напротив, рассматривает претензии на восстановление справедливости как недопустимые попытки разрушения социального порядка. С другой стороны, ощущение несправедливости возникает как реакция на неконструктивную позицию институтов гражданского общества, которые, лицемерно декларируя готовность защищать интересы населения, на деле солидаризируются с властью. Именно в таких ситуациях, которые возникают довольно регулярно, диалог подменяется имитацией и фальсеоинтеракцией.

Означает ли сложившаяся ситуация, что конструктивный диалог между региональной властью и обществом невозможен, а барьеры принципиально непреодолимы?

¹ Информационная открытость сайтов региональных органов исполнительной власти. Результаты аудита 2017. Доступ: <http://read.infometer.org/region2017> (проверено 19.02.2018).

Сложность ответа на этот вопрос определяется рядом обстоятельств. Во-первых, главные причины сложившейся ситуации, связанные с чудовищной социальной поляризацией в обществе и — главное — с позиционированием власти в рамках этой поляризации, не могут быть устранены на уровне региона. И в этом смысле проблема коммуникаций власти и общества в регионе — в конечном итоге, проблема порочности установленного в стране социального порядка.

Во-вторых, как в структурах власти, так и в обществе закрепились в отношении друг друга крайне негативные стереотипы, обладающие высоким уровнем социальной инерции. Преодоление их, даже в случае позитивных изменений социальной структуры и минимизации проявлений социальной несправедливости, потребует позитивной модификации массового сознания, опирающейся на объединяющий людей ценностно-смысловой комплекс. Но, к сожалению, если такой опыт и имеется в регионах, он выражается преимущественно в применении манипулятивных практик, которые в публичных коммуникациях неизбежно приводят к негативным последствиям. По меньшей мере, эти последствия проявятся в долгосрочной перспективе.

Проблема заключается в том, что потенциальные участники диалога в регионах, как правило, не способны прогнозировать эти последствия. Они не обладают своего рода «дальним зрением», замыкаясь в своей деятельности на ситуацию, а в том случае если она приобретает кризисные характеристики, не ищут новые, нестандартные решения, ограничиваясь апелляцией к прошлому опыту.

В этих условиях потенциальную возможность преодолеть ставший типичным для регионального управления адхократический подход к реализации коммуникативных практик сохраняет региональное экспертное (интеллектуальное) сообщество, в котором мы видим своего рода прообраз команды, способной проектировать эффективные публичные коммуникации. Наиболее характерной чертой его представителей является специфический способ освоения социальной реальности, в основе которого лежит осмысление ее преимущественно в форме понятийно-логических конструкций и использование для разработки и реализации жизненных стратегий научно обоснованных концепций. Интеллектуальное сообщество более или менее свободно от стереотипов, открыто для дискурса и относительно рефлексивно.

Но интеллектуальное сообщество в провинциальных регионах пребывает в своего рода эмбриональном состоянии, обусловленном низкой общественной оценкой экспертной деятельности, отсутствием доступа к ресурсам и консолидирующих структур. К тому же оно занимает пространство, являющееся предметом особых (и вполне естественных) притязаний административно-управленческого аппарата, более или менее отчетливо понимающего, что интеллектуальный ресурс является в настоящее время перспективным источником увеличения власти и материального благополучия. И любые попытки интеллектуалов предложить собственные программы реинжиниринга коммуникаций будут либо игнорироваться, либо модифицироваться в интересах бюрократии. Это тем более вероятно, что у лидеров абсолютного большинства общественных объединений нет представления о необходимости со своей стороны поддерживать экспертную работу, используя ее в т.ч. и для модернизации коммуникативной среды.

Тем не менее экспертное (интеллектуальное) сообщество способно предложить программу действий, основанных на идее, согласно которой конструктивный диалог власти и общества в регионе должен стать нормой. Система публичных коммуникаций должна быть институционализована, что (на первом этапе) предполагает:

- установление ясных, обязательных для всех участников правил диалога;
- придание технологиям коммуникаций атрибута типичности в противовес современной практике, в которой они, как правило, являются эпизодическими;
- утверждение в сознании участников образа-стереотипа диалога как естественного, необходимого процесса, включение в который накладывает на участников вполне определенную ответственность;
- формирование у участников навыков коммуникаций, которые в перспективе должны стать стандартными социальными компетенциями.

Разумеется, решение данных задач не устранит наиболее существенные коммуникативные барьеры, определяющиеся спецификой российского социума. И в этом смысле можно говорить об ограниченности любых технологических проектов в сфере коммуникаций, если они не предполагают социальных и социокультурных изменений. Но институционализация хотя бы позволит сформировать относительно цивилизованную среду для публичного общения основных субъектов регионального социального пространства.

Список литературы

Гегедюш Н.С. 2014. Подходы к развитию институтов гражданского общества: анализ региональных практик. – *Власть*. № 5. С. 28-32.

Зайцев А.В. 2013. Дефицит диалога в PR-коммуникации государства и гражданского общества современной России. – *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Сер. Гуманитарные науки. № 20(163). Вып. 19. С. 119-130.

Каширина М.В. 2013. Фальсеоинтеракция как особая форма социального взаимодействия. – *Социум и власть*. № 6(44). С. 11-16.

Малик Е.Н., Меркулов С.С. 2016. Формы государственно-гражданского взаимодействия в современной России: проблемы развития и практической реализации. – *Среднерусский вестник общественных наук*. Т. 11. № 3. С. 85-94.

Морозова Т.И. 2012. *Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона*: монография. Белгород: ИД «Белгород». 360 с.

Соколов А.В., Фролов А.А. 2016. Отношение власти к НКО: характер взаимоотношений в Ярославской области. – *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*. № 5(58). С. 35-43.

Тощенко Ж.Т. 2015. *Фантомы российского общества*. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 668 с.

BABINTSEV Valentin Pavlovich, Dr.Sci. (Philos.), Professor of the Chair of Social Technologies, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015; babintsev@bsu.edu.ru)

SHAPOVAL Zhanna Aleksandrovna, Cand.Sci. (Soc.), Associate Professor of the Chair of Social Technologies, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015; shapoval@bsu.edu.ru)

PUBLIC COMMUNICATIONS OF THE AUTHORITY AND SOCIETY IN THE REGION: PROBLEMS AND OPPORTUNITIES OF CONSTRUCTIVE CHANGES

Abstract. The article considers the problem of public communications of the power and civil society in Russian regions. The authors prove that two parties are not ready and are not capable to open constructive dialogue at the moment, and they often are not identified themselves as its participants. The power represented by public and municipal authorities acts as corporate

bureaucratic system and is inclined to imitate public dialogue, widely using manipulative practices. In turn, institutes of civil society most often have not great influence and backing of population, they depend on public and municipal authorities. The article proves that the main obstacles for constructive public communications in constituent entities of the Russian Federation have rather social and sociocultural, but not technological character. They are connected with the fact that in the course of social demarcation the authority usually takes the part of the subjects possessing property and wealth and becomes one of injustice sources in the opinion of contractors, and loses its credibility. At the same time, institutes of civil society have no sufficient potential to expect negative consequences of developed communicative practices and to offer technologies of their modification.

Keywords: region, authority, public communications, institutes of civil society, imitation, falseinteraction, bureaucracy, trust, expert community

ЯКИМЕЦ Владимир Николаевич — доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, главный научный сотрудник Института проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН (127994, Россия, г. Москва, Б. Каретный пер. 19, стр. 1; iakimets@mail.ru)

НИКОВСКАЯ Лариса Игоревна — доктор социологических наук, доцент; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, стр. 5; nikovsky@inbox.ru)

МЕХАНИЗМЫ И ПРИНЦИПЫ МЕЖСЕКТОРНОГО СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. За последние 5–7 лет наблюдается зримое снижение эффективности и качества государственного управления. В представленной статье обосновывается необходимость смены парадигмы системы государственного управления – перехода от устаревшей модели к общественно-государственному управлению (ОГУ). В статье авторы дают определение основных понятий, таких как ОГУ, субъекты и акторы ОГУ, публично-правовые институты ОГУ, механизмы ОГУ, а также приводят примеры уже работающих в РФ институтов и механизмов ОГУ.

Ключевые слова: общественно-государственное управление, субъекты и акторы, публично-правовые институты и механизмы общественно-государственного управления, межсекторное социальное партнерство, общественное участие.

Актуальность задач повышения эффективности системы госуправления в России

Изменяющееся общество в политическом контексте начала XXI в. формирует запрос на расширение доступа граждан и организаций гражданского общества к процессу принятия решений, увеличение прозрачности власти и ее ответственности за свою деятельность перед обществом [Dalton, Scarrow 2003]. Это стимулировало разработку новой концепции государственного управления для XXI в., предусматривающей обеспечение широкого доступа граждан и бизнеса к правительственной информации, прежде всего в сфере образования, здравоохранения и социального обеспечения, занятости, налогообложения, лицензирования и ведения бизнеса, государственных закупок и госзаказов, международных торговых операций. Концепция также предусматривала предоставление гражданам новых каналов коммуникации, позволяющих им